

УДК 81'362

DOI: 10.15593/2224-9389/2019.3.3

О.М. Акай

Получена: 22.04.2019

Принята: 15.06.2019

Опубликована: 30.09.2019

Донской государственный технический университет (ДГТУ); Ростовский государственный экономический университет РГЭУ (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ЯЗЫКОВАЯ ЛАКУАРНОСТЬ И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ

Понятие межъязыковой лакуны обладает научной значимостью и перспективно для многих прикладных сфер, прежде всего для переводоведения и теории межкультурной коммуникации, где очень важно соотносить то, что в одном языке является отдельными лингвистическими явлениями, а в другом – несигнализируемыми участками, разделить понятия «языковая уникалия» и «лингвистическая брешь». Лакуарность не ограничивается понятием лексической единицы, лакуарными могут быть любые компоненты лексического значения, а, если рассматривать шире, то и экстралингвистическая информация, сопровождающая данное явление в сознании носителя одного языка и редуцирующаяся при рецепции в любой язык. При исследовании языковой лакуарности были использованы следующие методы: метод привативных оппозиций, когда рассматривались изменяемые / неизменяемые лексические единицы, метод моделирования и психолингвистический метод, с помощью которого исследовались фрагменты языкового сознания у носителей языка и выявлялось наличие в семантике слов психологического компонента. По нашим наблюдениям, идеи лакуарности наиболее часто разрабатываются именно в работах по теории перевода и межкультурной коммуникации. А понятие лакуны вообще чрезвычайно расширилось. Помимо уровневых (фонетических, лексико-фразеологических, словообразовательных, морфологических и синтаксических) лакун предлагается немало иных типов. Принципиальная неоднозначность и неоднородность понятий лакуны и лакуарности, а также их объяснительные возможности для разных сфер филологии делают логичным и обоснованным вычленение особой области лингвистического и лингвокультурологического знания – лакунологии. В статье проанализировано соотношение языковой лакуарности и смежных категорий – имплицитности, «скрытых» категорий, безэквивалентности и установлены гипо-гиперонимические связи между ними.

Ключевые слова: языковая лакуна, лакуарность, «скрытые» категории, имплицитность, безэквивалентность.

О.М. Акай

Received: 22.04.2019

Accepted: 15.06.2019

Published: 30.09.2019

Don State Technical University,
Rostov State University of Economics
(Rostov-on-Don, Russian Federation)

LANGUAGE LACUNARITY AND RELATED CATEGORIES

The concept of interlingual lacuna has a scientific significance and is promising for many applied fields, primarily for translation studies and the theory of intercultural communication, where it is very important to correlate the separate linguistic phenomena in one language, and to separate the concepts of "language uniqueness" and "linguistic gap". Lacunarity is not limited to the concept of a lexical unit, any components of a lexical meaning can be lacunary, but, if considered more broadly, the extra-linguistic information accompanying this phenomenon in the mind of a speaker and reducing at reception in any language. The following methods were used in the study of lacunarity: the method of privative oppositions, when changing / unchangeable lexical units are considered, the modeling method and the psycholinguistic method by which fragments of linguistic consciousness are studied in native speak-

ers' mind and the psychological component revealed in the word semantics. According to our observations, the ideas of lacunarity are most often developed in the works on translation theory and intercultural communication. And the concept of lacuna has generally been expanded. In addition to the level (phonetic, lexical and phraseological, derivational, morphological and syntactic) lacunae many other types are proposed. The fundamental ambiguity and multi-dimensionality of the concepts of lacunae and lacunarity, as well as their explanatory possibilities for different spheres of philology, make it logical and reasonable to isolate a particular area of linguistic and linguistic and culture knowledge – lacunology. The article analyzes the correlation of lacunarity and adjacent categories – implicitness, “hidden” categories, non-equivalence, and established hypo-hyperonymic connections between them.

Keywords: *language lacuna, lacunarity, “hidden” categories, implicitness, nonequivalence.*

Лакунарность и имплицитность

Термин «лакуна» был введен авторами «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне (Vinay, Darbelnet). На Западе понятие лакуны было активно воспринято французскими и франко-канадскими лингвистами и – в гораздо более скромных масштабах – учёными некоторых европейских стран. Лакуна как лингвистический термин восходит к французскому *lacune* ‘пустота, брешь’, которое, в свою очередь, этимологически восходит к латинскому *lacuna* ‘углубление, впадина, провал, полость’, в свою очередь, образованному от уменьшительной формы *lacuna* ‘озерцо’. Термин «лакуна» не является новым в лингвистике, однако интерес исследователей к данному явлению можно рассматривать как пассивный, а место в терминологической системе языковая лакунарность занимала весьма скромное. Но во второй половине XX века, когда на первые позиции вышли лингвокультурология и теория межкультурной коммуникации, термин стал в высшей степени востребованным, причем превалировать стал межъязыковой подход к идее лакунарности: лакуной стали считать отсутствие слова для обозначения понятия, которое в данной лингвокультуре существует и имеет особое словесное обозначение в иных языках. Терминологическая система лакунологии находится в стадии становления, о ее унификации говорить пока не приходится. Характерно терминологическое неразличение конкретной и более абстрактной номинаций, связанных с этим явлением, – «лакуна» и «лакунарность»; ср. пример, где наиболее ожидаемым является второй термин, между тем как используется первый: «К содержательной лакуне относится также пунктуационный параметр, например, в словарных статьях лексем *дескать* и *мол*» [2, с. 164]. Предложение терминологически разграничить обозначения «лакуна» и «лакунарная единица» в работе: [3, с. 22–27] поддержки пока не получило. «Бес терминотворчества» [4] в эту сферу, насколько можно судить, не проник, большинство авторов пользуются широким, размытым и отчасти противоречивым термином «лакуна».

Как и большинство лингвистических терминов, обозначения «лакуна», «лакунарность» далеки от однозначности и коррелируют (или просто смешиваются) с такими сущностями, как имплицитность, скрытые категории, нулевые знаки. Хотя и высказывались различные предложения, связанные с упо-

рядочением терминологии в этой сфере, однако на сегодняшний день можно констатировать преобладание многозначности по типу метонимии: лакуна – это и само явление (=лакунарность), и единица, которая отсутствует вместо долженствующего, то есть виртуальная сущность.

Сравнивая определения лакуны («отсутствие какой-либо единицы в одном языке при её наличии в другом»; «пустая клетка в системе именования»; «виртуальная единица, занимающая место в языковой системе»; «языковая категория, встречающаяся в одном языке и отсутствующая в другом», В.М. Савицкий [5, с. 14] отмечает их несводимость друг к другу и логическую неудовлетворительность каждого из них. Действительно, когда лакунарными называют единицы и формы, которые присутствуют в одном языке, но отсутствуют в другом, очевидна неправомерность такой трактовки. По данным толковых словарей, присутствовать / отсутствовать значит ‘находиться / не находиться в положенном месте’. «Всякое высказывание о присутствии / отсутствии какого-то объекта в каком-то месте имеет прагматическую пресуппозицию: “Данному объекту положено находиться в данном месте”. Иначе нельзя сказать, что он там присутствует или отсутствует; просто он там находится или не находится. Например, можно сказать, что в вольере нынче отсутствуют слоны: ведь вольер для них и предназначен. Но <...> нельзя сказать, что слоны сегодня отсутствуют на кухне <...>; ведь им там быть не положено, и места для них там не отведено» [5, с. 2]. В данном случае само понимание лакуны неоднозначно. Ведь нельзя считать лакуной любую языковую единицу, присутствующую в одном языке и отсутствующую в другом, так как в таком случае любая языковая категория будет уникальной [5, с. 3].

«В системе нет чужих (внесистемных) элементов, но отсутствует в ней только свой (системный) элемент», – подчеркивает В.М. Савицкий. Поэтому лакуна – это «реальное отсутствие в системе её собственного элемента, подразумевающее его виртуальное присутствие. Он выступает как лакунарный. В частности, языковая лакуна – это реальное отсутствие в языке его единицы или формы, которая присутствует в нём виртуально и является лакунарной по отношению к данному (а не иному) языку. Лакуна (нехватка) предполагает наличие лакунарной единицы/формы и ячейки для неё, но сама лакуна не есть ни единица/форма, ни ячейка» [5, с. 8]. Следовательно, лакуна (нехватка элемента) должна устанавливаться с учётом строения данной системы.

Интраязыковые лакуны – это «пустые» места, «несигнализируемые» участки в рамках одного языка. Лакунарность охватывает все уровни, в том числе «верхние», то есть предложение и текст, однако наибольшее исследовательское внимание, как правило, привлекают лексико-фразеологические лакуны. Интересно, что традиционные примеры межъязыковых лакун могут быть интерпретированы иначе. Так, при анализе обозначений временных промежутков в русском и английском языках отмечались как соответствия

(секунда – *second*, минута – *minute*, неделя – *week*, месяц – *month*), так и отсутствие эквивалентности (сутки –?). Отсутствие однословного обозначения – это, как считает Е.В. Савицкая, интраязыковая лакуна, это факт лексической системы английского языка. Конечно, для переводоведения актуально, как элиминируется эта лакуна: *twenty-four hours, day and night* или просто *day* (одно из зафиксированных словарных значений у этого слова именно ‘сутки’, как, впрочем, и в русском: предложение я не спал три дня, скорее всего, должно быть интерпретировано как ‘я не спал трое суток’). В русской лексико-грамматической системе есть своя лакуна в этой сфере: по-русски нельзя построить словосочетание *22 + сутки*. Эта лакунарность обусловлена исторически, а именно остаточным влиянием утраченного двойственного числа, и это факт именно русской языковой системы, которая несет в себе реликты грамматических форм.

Если считать, что лакуна – не плод воображения, а единица, объективно существующая в языке, то становится очевидным: невозможно мысленно вставлять в систему языка бесконечное число чуждых единиц и на этом основании находить в ней лакуны. Е.В. Савицкая пишет, что такие «лакуны» существуют не в объективной языковой действительности, а в сознании того индивидуума, который переносит их в парадигму другого языка, соответственно, преломляя их через собственное сознание. Именно теория перевода сыграла большую роль в межъязыковой трактовке лакун. Переводчиком осуществляется трансфер понятий с использованием собственных переводческих таблиц, нередко отличающихся от объективной языковой реальности [6, с. 130].

Думаем, однако, что понятие межъязыковой лакуны обладает научной значимостью и перспективно для многих прикладных сфер, прежде всего для переводоведения, где очень важно соотносить то, что в одном языке – «отдельности», а в другом – «пустоты», несигнализируемые участки.

Развитие когнитивизма в конце XX – начале XXI века дало мощный толчок к исследованию имплицитных компонентов, которые, присутствуя в одном языке, не имеют формального выражения в другом. «Человек воспринимает больше, чем может выразить язык. За его пределами остается несказанное, невыразимое, ненареченное, неизреченное» [7, с. 433]. Имплицитность – трактуется как «неясность», «невывраженность», «скрытость», она заключается в том, что понятийная парадигма несоизмеримо объемнее, чем ресурс материалов, способный ее выразить. Вследствие чего можно говорить, что использование данного термина в значении «сокращенность», «редуцированность» не является лингвистически оправданным в отношении лакунарности.

За любым высказыванием кроется логическая цепь умозаключений, понятийный ресурс намного шире экспрессивного. Реципиент, используя свой собственный опыт, преломляя высказывание через свое сознание, базирующееся на культурных, фоновых знаниях, делает выводы о большем, чем факти-

чески сказано [8]; [9]; [10]. Таким образом, имплицитность обогащает языковую систему, позволяя передавать неограниченные объемы информации.

Категория имплицитности, в свою очередь, тесно связана (а иногда и смешивается) с категорией подтекста. Но «подтекст» – и на это указывает сама внутренняя форма – не отделим от конкретного текста. Подтекст относится к обязательным оттенкам художественного текста, реализуется в разных формах, выражает грамматические и лексические понятия. Традиционно его понимание в качестве важнейшей текстовой категории является универсальным. Однако не обладает функцией воспроизводства новых значений. Подтекст является «программным» элементом, в то время как имплицитные значения могут трансформироваться в сознании в зависимости от общих знаний автора и читателя. Имплицитность – своего рода «кодировка» смыслов и понятий, которые возможно «раскодировать» через общность или, наоборот, различие восприятия содержания [11, с. 9].

Таким образом, имплицитность (имплицитное содержание) как общелингвистическая и когнитивная категория шире, чем понятие «подтекст», которое логичнее рассматривать именно как текстовую категорию. Имплицитность – кардинальное семиотическое свойство языковой системы, и в соотношении с понятием лакуны это родовое наименование, то есть гипероним по отношению к гипониму.

Лакуны и «скрытые» категории

Лакуны коррелируют и с так называемыми «скрытыми категориями». Термин «скрытая» (covert) категория введен Б. Уорфом [12, с. 89–92]. Основоположником идеи скрытой грамматики и грамматических категорий является В. Гумбольдт. Дальнейшее развитие они получили в работах А.А. Потебни, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского. О скрытой грамматике и скрытых грамматических классах писали С.Д. Кацнельсон, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. Все указанные авторы имели в виду подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения. Чаще все под скрытыми категориями понимаются классы слов и лежащие в основе их выделения семантические оппозиции, которые, не имея прямых морфологических показателей, обнаруживают себя в совокупности грамматических свойств, присущих единицам таких классов. Так, семантика женского рода / пола, имплицитно представлена в наименованиях лиц по профессии, которые формально имеют показатели мужского рода (слово *учитель* при обозначении женщины), а семантика количественной множественности наличествует при обобщенно-собирательном и генерическом использовании формы единственного числа имени (*в реке водится рыба, рыба дышит жабрами*). Экпликация «скрытой» категории осуществляется на синтаксическом уровне благодаря определенным сочетаемым правилам. Так, генерическая се-

мантика (значение класса) реализуется только в высказываниях с неактуальным презенсом, при отсутствии кванторных и шифтерных слов, а в артиклевых языках – при отсутствии артикля.

Приведенные примеры иллюстрируют, скорее, скрытые грамматические значения в рамках имеющейся в языке категории. Но можно говорить и о самой скрытой категории, то есть о том, что противопоставление грамматических значений, составляющих категорию, передается неспецифическими средствами. Так, важнейшая для коммуникации идея определенности/неопределенности в безартиклевых языках передается некоторыми местоимениями, числительными, а также интонационно. В качестве скрытой называют категорию контролируемости, противопоставляющую ситуации, осуществляемые по воле их главного участника, ситуациям, не зависящим от его воли.

Исчерпывающая грамматика языка должна включать и описание скрытых категорий. С.Д. Кацнельсон даже сравнивал грамматику с айсбергом, большая часть которого скрыта под водой [13]. Ср. с концепцией А.В. Бондарко, согласно которой существуют три вида грамматики: 1) грамматика полная, 2) грамматика явная и 3) грамматика скрытая [14, с. 4–13]. Характерной чертой полной грамматики является ее системность, а явная грамматика эластична и подвергается воздействию языковой среды, особенно ярко проявляя это свойство во взаимодействии с невербальной языковой средой. Следовательно, коммуникативная (иначе – коллокативная, контекстуальная) грамматика ориентируется в этой концепции в том числе и на скрытые (не выраженные традиционным способом) категории. Выявление и описание скрытых грамматических категорий признается необходимым условием полного грамматического описания языка.

Нередко подчеркивается креативно-творческий характер скрытых категорий (ср. особенности родовых форм местоимения в английском языке, выбор которых обусловлен в том числе и культурологическими факторами). Начиная с работ Б. Уорфа, скрытые категории (криптотипы) отождествляются с грамматическими лакунами, которые выделяются с опорой на язык, имеющий открытую категорию. Рассмотрим грамматическую категорию рода в английском языке как пример скрытой категории. Как и в большинстве языков романо-германской группы, в английском языке существует категория рода, и формально каждое существительное принадлежит к определенной родовой группе. Однако лишь при сопоставлении существительного с личным местоимением проявляется специфическое выражение родового класса. В таком случае грамматическая классификация проявляется как идентичная в латинском или немецком языках, где родовой показатель существительных – категория облигаторная. Таким образом, при сопоставлении языков скрытая грамматическая категория может быть отчетливо выявлена. Именно на таком основании выделяются и межъязыковые лакуны, однако

термин «лакуны» применяется не только (и не столько) к грамматическим явлениям, но прежде всего – по отношению к лексико-фразеологическому уровню языка.

Лакуны и безэквивалентная лексика

Межъязыковая лакунарность нередко рассматривается как безэквивалентность. Синонимичными же считаются и термины «лакуна» и «безэквивалентность». Специалисты по теории перевода выделяют лакуны как одну из категорий безэквивалентной лексики (наряду с реалиями). Между реалиями и случайными лакунами отличие в том, что реалия обозначает национально-специфическое, даже экзотическое понятие, а случайная лакуна соотносится с понятиями, отнюдь не выпадающими из привычного опыта носителей переводящего языка. Иначе говоря, носители переводящего языка вполне способны оперировать лакунарными (нелексикализованными) понятийными комплексами, в то время как понятия, стоящие за иноязычными реалиями, в их концептосферу не входят [15].

Заметим, что такое терминологическое разграничение принимается далеко не всеми исследователями. В работах, исследующих различные аспекты межкультурной коммуникации, предлагается до десятка наименований в сходном значении: реалии, экзотизмы, безэквивалентная лексика, фоновая лексика, ксенизмы, ориентализмы, этномаркированная лексика, лакуны, «пробелы в речевых моделях», «темные места», «пропуски» и т.д., причем именно термин «лакуна» нередко становится своего рода обобщенным понятием для всевозможных межъязыковых, межкультурных и межтекстовых расхождений. Понятие «лакуны» в любом случае шире, чем «безэквивалентность», поскольку лакунарность может охватывать не только семантическое поле, но и сферу прагматики. Хорошо описаны, например, национально-специфические коннотации, связанные с прагматикой анимализмов в различных языках [16, с. 240–243]. К лакунам относят такие случаи, когда в одном из двух сопоставляемых языков принято недифференцированное выражение определенного референциального содержания. Нередко говорится о лакунарности в применении к конкретной языковой личности – участнику межкультурной коммуникации (в соответствии с многоуровневой структурой языковой личности выделяют лингвистические, ментальные, мотивационные, экспрессивные, моторико-артикуляционные и другие лакуны). В работе [17, с. 102–112] обсуждаются такие лакуны (в ее терминологии – гиперлакуны) в лексиконе языковой личности современного молодого человека, как религионимы и библеизмы.

Поскольку лакунарность охватывает все уровни, в том числе «верхние», то есть предложение и текст, продуктивно обсуждение такой проблемы, как

межъязыковая лакунарность речевых жанров. Ср. наблюдение об отсутствии в японской традиции такого жанра, как оправдание (его заменяет извинение).

Таким образом, понятие лакуны обладает серьезным исследовательским потенциалом, а феномен лакунарности в высшей степени существен для теоретического языкознания.

Заключение

Термины «лакуна» и «лакунарность» прочно вошли в терминосистему современного языкознания. Термин «лакунарность» – гипоним по отношению к гиперониму «имплицитность» и, в свою очередь, гипероним по отношению к гипониму «безэквивалентность». Что касается термина «лакуна», то он нередко применяется как синонимическое обозначение «скрытых» грамматических категорий (при межъязыковом сопоставлении грамматических систем). Изучение лакунарности находится на пересечении целого ряда общелингвистических проблем – прежде всего, интеллектуально-логического и когнитивно-прагматического аспектов интерпретации элементов языковой системы, а гносеологическая незавершенность понятий лакуны и лакунарности оставляет простор для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Vinay J.P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. – Paris: Didier; Montreal: Beauchemin, 1958.
2. Перфильева Н.П. Лакуны при лексикографировании дискурсивных показателей // *Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: межвуз. сб. науч. тр.* – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – С. 163–172.
3. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // *Вестник Челябин. гос. ун-та*, 2011. – № 25. – Вып. 58. – С. 22–27.
4. Тираспольский Г.И. *Язык и лингвистика: монография*. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015.
5. Савицкий В.М. Онтология языковых лакун // *Вестник МГОУ: электрон. журнал*. – 2013. – № 2. – С. 1–18. – URL: www.vestnik-mgou.ru (дата обращения: 23.01.2019).
6. Савицкая Е.В. Внутряязыковая трактовка лакун // *Вестник Самар. гос. ун-та*. – 2014. – № 9 (120). – С. 128–136.
7. Арутюнова Н.Д. *Язык о языке*. – М.: Языки русской культуры, 2000.
8. Серебrenников Б.А. К проблеме «язык и мышление» (всегда ли мышление вербально) // *Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз.* – 1977. – № 1. – С. 9–17.
9. Кривонос А.Т. *Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке*. – М.: Нью-Йорк, 1996.
10. Кривонос А.Т. *Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики)*. – М.; Нью-Йорк, 2001.
11. Александрова, М.И. *Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. – Ростов н/Д, 2013.

12. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1972. – P. 89–92.
13. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
14. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 4–13.
15. Ермолович Г.Д. Наш паровоз, вперед лети! В лакуне остановка [Электронный ресурс]. – URL: www.yermolovich.ru/lakunaunaabridgel.pdf (дата обращения: 12.01. 2019).
16. Малащенко М.В. Имя в парадигмах лингвопрагматики. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2003.
17. Сергеева Е.В. Гиперлакуны в лексиконе современной языковой личности: религионимы и библеизмы // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – С. 102–112.

References

1. Vinay J.P. et Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Paris, Didier, Montreal, Beauchemin, 1958.
2. Perfil'eva N.P. Lakuny pri leksikografirovanii diskursivnykh pokazatelei [Lacunae in the lexicography of discursive indicators]. *Lakunarnost' v iazyke, kartine mira, slovare i tekste*. Novosibirsk, 2009, pp. 163–172.
3. Bairamova L.K. Lingvisticheskie lakunarnye edinitsey i lakuny [Linguistic lacunary units and lacunae]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 25 (58), pp. 22–27.
4. Tiraspol'skii G.I. Iazyk i lingvistika [Language and Linguistics]. Syktyvkar, 2015.
5. Savitskii V.M. Ontologiya iazykovykh lakun [Ontology of language lacunae]. *Vestnik MGOU*, 2013, no. 2, pp. 1–18.
6. Savitskaia E.V. Vnutriiazykovaia traktovka lakun [Intralingual treatment of lacunae]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 9 (120), pp. 128–136.
7. Arutiunova N.D. Iazyk o iazyke [Language about language]. *Iazyki russkoi kul'tury*, 2000.
8. Serebrennikov B.A. K probleme “iazyk i myshlenie” (vsegda li myshlenie verbal'no) [On the problem of “language and thinking” (is thinking always verbal)]. *Izvestiya AN SSSR. Serii literatury i iazikoznaniya*, 1977, no. 1, pp. 9–17.
9. Krivonosov A.T. Iazyk. Logika. Myshlenie. Umozakliuchenie v estestvennom iazyke [Language. Logics. Thinking. Inference in natural language], Moscow–New York, 1996.
10. Krivonosov A.T. Sistema klassov slov kak otrazhenie struktury iazykovogo soznaniia (filosofskie osnovy teoreticheskoi grammatiki) [The system of classes of words as a reflection of the structure of linguistic consciousness (the philosophical foundations of theoretical grammar)]. Moscow–New York, 2001.
11. Aleksandrova M.I. Podtekst v povestvovanii ot pervogo litsa: kognitivno-pragmaticheskii aspekt [Subtext in the first person narrative: Cognitive-pragmatic aspect]. Abstract of Ph.D. thesis. Rostov-on-Don, 2013.
12. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1972, pp. 89–92.
13. Katsnel'son S.D. Tipologiya iazyka i rechevoe myshlenie [Typology of language and speech thinking]. Leningrad, 1972.

14. Bondarko A.V. Lingvistika teksta v sisteme funkcional'noi grammatiki [Text linguistics in the system of functional grammar]. *Tekst. Struktura i semantika*. Vol. 1. Moscow, 2001, pp. 4–13.

15. Ermolovich G.D. Nash parovoz, vpered leti! V lakune ostanovka [Make it quick but slow down at lacunae]. Available at: <http://www.yermolovich.ru/lakunaunaabridgel.pdf> (accessed 12 January 2019).

16. Malashchenko M.V. Imia v paradigmakh lingvopragmatiki [Name in linguistic pragmatics paradigms]. Rostov-on-Don, 2003.

17. Sergeeva E.V. Giperlakuny v leksikone sovremennoi iazykovoï lichnosti: religionimy i bibleizmy [Hyper lacunae in the lexicon of modern linguistic personality: Religious names and biblical expressions]. *Lakunarnost' v iazyke, kartine mira, slovare i tekste*. Novosibirsk, 2009, pp. 102–112.

Сведения об авторе

АКАЙ Оксана Михайловна
e-mail: oksanaakay@me.com

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);
доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Ростовский государственный экономический университет (РГЭУ РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

About the author

Oksana M. AKAY
e-mail: oksanaakay@me.com

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation)